

НАЦИОНАЛИЗМ В ЯПОНИИ: ИСТОКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В. В. Владимиров

Япония, экономика которой недавно начала проявлять признаки оживления, переживает сейчас свой собственный подъем национализма, с которым активно заигрывает японское правительство. И национализм этот базируется на возрождающихся милитаристских настроениях. Достаточно вспомнить лишь несколько фактов. Настойчивые попытки политического истеблишмента страны пересмотреть конституцию, согласно которой Япония «отказывается от войны как суверенного права нации». Принятое парламентом законодательство на случай чрезвычайной ситуации, отменяющее многие ограничения на деятельность военных и позволяющее правительству в подобных случаях урезать гражданские свободы. Направление японских боевых кораблей в Индийский океан для «сбора информации» и «оказания тыловой поддержки» военной операции США в Афганистане. Присутствие в январе 2003 года отряда японских кораблей в Аравийском море для обеспечения действий ВМС США и Великобритании против Ирака. Присутствие в составе коалиционных сил в Ираке японского военного контингента. Наконец, озвученное генеральным секретарем кабинета министров Японии Хироюки Хосода в начале декабря 2004 года предложение о необходимости изучения возможности нанесения превентивных ударов по военным базам на территории других государств.

Идеологами национализма вновь воскрешаются теории «Нихондзин рон» («Теория о японцах») или «Нихон бунка рон» («Теория о японской культуре»), служившие еще с домэйдзинских времен основой для пропаганды исключительности японской расы. Идея «первичности» японской нации с ее «уникальными» культурными ценностями логично приводит последователей идеологии «японизма» к концепции «исключительности» расы Ямато. Отметим, что современные неонационалисты ничего оригинального в эту концепцию не привнесли. С аналогичными аргументами выступали в 1920–30-е годы тогдашние идеологи национализма и фашизма. Закономерно при этом то, что как довоенные, так и современные апологеты национализма черпали свои идеи из трудов таких немецких философов, как Ницше, Фихте и Хайдеггер. Главное достоинство этих философов, особенно двух последних, они усматривают в их мистическом трансцендентализме, торжестве духа над телом, иррациональ-

ности над рациональным. По мнению, например, филолога С. Ватанабэ, именно такими качествами обладают японцы, именно в этом как раз и состоит «уникальность» японской нации.

Японцы обосновывали свою национальную избранность изолированным географическим положением страны, этнической гомогенностью с единым языком общения, общим синтоистским вероисповеданием, а также особым статусом императора, который для японцев одновременно означал и Бога, и государство и был символом патриотического единения нации.

Японцы как представители моноэтнического государства трактуют национализм как государственный и этнический одновременно. Тем не менее, идеология национализма развивалась в двух основных формах: в форме государственного национализма (*коккасюги*), который предполагал полное подчинение всех граждан верховной власти, и в форме этнического национализма (*миндзокусюги*), восхваляющего японскую культурную традицию, синто, национальную историю. Японские этнонационалисты левого толка испытывая самые лояльные чувства в отношении японского народа, были в жесткой оппозиции правящему режиму за его агрессивную внешнюю политику.

Говоря о национализме, нельзя обойти стороной главный носитель этой идеологии – собственно сознание рядового японца. Япония, в отличие от христианской цивилизации, является обществом стыда, а не обществом вины. Личность в японской культуре соизмеряет свои поступки с системой координат долга, чести и стыда. Высший долг человека следовало определять только как долг, выплачиваемый лично императору, а не как любовь к своей стране.

ОН – великий долг, приобретаемый каждым человеком. Долг сам по себе не является достоинством, выплата долга является. Выплата безграничного долга называется *гиму* и о ней говорят: «Человеку не выплатить и десяти тысячной доли этого он». *Гиму* человека включает в себя два типа обязанностей: выплата родительского он, который называется *ко*, и выплата императорского он, который называется *тю*. От обеих этих обязанностей человеку деваться некуда, и они являются его неотвратимой судьбой.

ТЮ подразумевает двоякую систему взаимоотношений подданный – император. Подданный обращен лицом вверх прямо к императору без посредников; он лично успокаивает его сердце своими действиями. Однако, получая приказы императора, подданный слышит их по эстафете через всех посредников, которые стоят между ними. «Он говорит от имени императора», – эта фраза, которая взывает к ТЮ и является, воз-

можно, сильнейшей мотивацией из тех, которыми располагали любые другие государства того времени. Власти индоктринировали в массовое сознание миф о том, что каждый японец есть часть священной цепочки: Бог – император – рядовой японец. Солдаты шли на смерть за императора, веря в то, что являются частью и в то же время продолжением этой священной цепочки, а отнюдь не приводным ремнем государственной машины.

Японцы черпают свою агрессию не только из ненависти или морального негодования. Они невероятно нуждаются в том, чтобы их в мире уважали. Они видели, что великие нации завоевали уважение с помощью военной мощи, и решили с ними сравняться. Им пришлось превзойти самих себя, потому что ресурсы были недостаточными, а технология примитивной. Когда они потерпели неудачу в своем великом предприятии, это стало для них знаком, что агрессия – это не путь к почету. Гири всегда равным образом подразумевало и использование, и использование агрессии, и соблюдение уважительных отношений, а потому, потерпев поражение, японцы перешли от одного к другому, явно не ощущая над собой психологического насилия. Целью по-прежнему оставалось их доброе имя.

Далеко не многие знатоки Японии предсказали, что отношение японцев к американцам после поражения во Второй мировой войне может измениться на 180 градусов. Большинство японоведов полагало, что для Японии существует только «или победа, или поражение», и поражение будет в ее глазах оскорблением, за которое надлежит мстить отчаянным насилием. Однако они не учли того, что японцы не чувствуют моральной необходимости придерживаться прежней линии. Обратимся к историческому факту.

Идеология национализма в Японии как бы нивелируют комплекс неполноценности, которым страдало ни одно поколение японцев, искусственно насаждая в массовом сознании чувство расового превосходства японской расы. Выиграв войны с Китаем и Россией националисты праздновали не только победу на поле боя, но, может быть, в большей степени победу над страхом перед силой великих европейских и азиатских держав, намного превосходящих Японию по мощи.

После войны власти США стремились во что бы то ни стало не допустить возрождения японского национализма и милитаризма. Комплекс капитулировавшей нации, а также необходимость быстрого восстановления разрушенной экономики в условиях расширения международных торгово-промышленных связей и интернационализации только усиливали решимость японских властей воздерживаться от раскручивания националистической спирали.

Политика государственного национализма на современном этапе приобрела ряд конкретных очертаний: недвусмысленные попытки японских властей не признавать вины прежних руководителей страны перед народами Восточной Азии за проведение в прошлом агрессивной империалистической политики. Посещение первыми лицами храма Ясукуни, по сути, означающее непризнание властями Японии вины бывших руководителей страны за развязывание войны на Тихом океане. Кроме того, необходимо отметить желание реабилитировать военных преступников; обращение к властям с этой просьбой подписало более 40 млн. японцев. Важное место в пропаганде национализма занимает формирование школьных программ и составление учебников по национальной истории. Власти страны последовательно и настойчиво приучают японскую молодежь мысли о том, что в период Второй мировой войны Япония вела себя на оккупированных территориях точно так же, как и другие участники глобального конфликта.

На волне национализма правящие круги стремятся облегчить себе исполнение как минимум двух основных задач: пересмотра действующей Конституции 1947 года и превращения Японии в «нормальное государство» с сильной армией и активной внешней политикой. Без подготовленного националистической пропагандой общественного мнения правящим кругам было бы трудно, например, заручиться поддержкой общества при принятии закона о посылке японских сил самообороны далеко за пределы Японии.

Националисты считают, что если Япония будет по-прежнему заключена в свой пацифистский кокон, то она рискует остаться у разбитого корыта.

В середине апреля 2005 года конституционная комиссия во главе с Таро Накаяма представила доклад на 683 страницах по итогам своей пятилетней работы по изменению Конституции. Так в 9-ю статью предложено добавить положение о том, что Япония может использовать военную силу для нужд обороны, а также о том, что страна должна участвовать в миротворческой деятельности ООН, не ограничивая себя только участием в операциях без применения оружия. Правительству и парламенту предложено в как можно более сжатые сроки провести процедуру легитимации пересмотренной Конституции страны начать жить по новому Основному закону.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОЯСА АТЛАНТИЗМА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

А. А. Володькин

В последнее десятилетие XX века в европейской интеграции наметились две соперничающие тенденции развития. Условно их можно назвать